

СУДЬБА ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Вспомянем с недоброй улыбкой
Блужданья наивных отцов.
Была роковой ошибкой
Мечта дорогих мертвецов...
Анна Баркова. 1932 г

Моя бабушка, Феоктиста Яковлевна Тимофеева, родилась в 1869 г. в Новохоперском уезде Тамбовской губернии, в семье сельского священника. Детство ее прошло в деревне, и до конца дней своих, глядя в окно, она оценивала погоду с точки зрения сельхозработ. В детстве я каждое утро слышала: «Дождик совсем не ко времени – косить пора» или «Дождя все нет и нет, ведь хлеб сгорит». Несмотря на воспитание в семье батюшки Феоктиста Яковлевна верующей не стала, но христианские заповеди глубоко укоренились в ее душе. В Борисоглебске она окончила гимназию и там же примкнула к кругу революционно настроенной молодежи.

Стремление к справедливости, всеобщему равенству, а также ощущение вины перед простым народом, присущее русской интеллигенции, доминировали у нее над всеми другими соображениями. Эти чувства она сумела передать и детям своим и внукам. В Борисоглебске Феоктиста Яковлевна вышла замуж за Ивана Дмитриевича Мягкова, студента-юриста, ставшего затем присяжным поверенным. Вместе с мужем они вскоре перебрались в Тамбов.

В те времена интеллигенция России в своем большинстве весьма критически относилась к существующему строю и мечтала о быстрейшем искоренении всех несправедливостей социальной жизни. Многие примыкали к различным политическим партиям того или иного толка соответственно со своим темпераментом и убеждениями. Иван Дмитриевич по своим взглядам тяготел к кадетам... Феоктиста Яковлевна была более радикально настроена и примыкала к социал-демократическому движению, активно помогая подполью. Из трех дочерей средняя Татьяна по душевному настрою была ближе всех Феоктисте Яковлевне. Как и мать, она рано начала интересоваться вопросами общественной жизни.

Родилась Татьяна Ивановна в 1897 году в Тамбове, гимназию окончила в Москве. Уже с 16-ти лет она начала заниматься общественной деятельностью. 19-ти лет была арестована за революционную работу. Из тюрьмы ее освободила февральская революция.

В среде революционной молодежи Татьяна познакомилась со своим будущим мужем – Михаилом Николаевичем Полозовым.

Михаил Николаевич родился в Харькове в 1890 г. в семье дворянина. В Харькове он окончил реальное училище, а затем учился в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, где вошел в состав украинского землячества. По его словам именно с этого времени он, русский по рождению, особенно остро осознал глубокую привязанность к Украине, ее народу, его обычаям, его языку. Впоследствии он отбросил русское окончание своей фамилии.

В первой мировой войне Михаил Николаевич участвовал в качестве летчика на Румынском фронте. Интерес к авиации у него остался на всю жизнь. В двадцатых годах он настойчиво добивался и добился внедрения на воздушных трассах страны самолетов отечественного производства взамен аппаратов немецкой фирмы «Дорнье-Комета», чьи пассажирские самолеты курсировали в те годы на наших гражданских воздушных линиях.

Еще в 1906 году Полозов вступил в Харьковский союз учащихся социалистов-революционеров. До революции он неоднократно был арестован, судим, сидел в крепости и

подвергался высылке. Особенно сочувствуя положению крестьянства, Полозов стал членом украинской партии левых эсеров и принял непосредственное участие в революционных событиях на Украине. В 1918 году в Киеве он был приговорен к расстрелу. Освободила его Красная Армия. После революции Полозов вместе с другими боротьбистами¹ был принят в КП(б)У².

В первые послеоктябрьские годы М.Н. был полномочным представителем Украины в Москве. Татьяна Ивановна за эти годы закончила Комакадамию им.Свердлова. В 1923 году она была выпущена лектором с педагогическим и организационно-педагогическим уклоном. В ее характеристике написано: «...Недостаточно выдержана в партийных вопросах. Активна. Дисциплинирована в партийных поручениях. Общеобразовательная подготовка выше среднего. Марксистская – средняя. Философская – средняя».

В 1923 году М.Н. вновь вернулся к работе на Украине. Татьяна Ивановна переехала к мужу в Харьков и закончила Харьковский экономический институт.

Продолжая интересоваться общественной жизнью страны, Т.И. постепенно приходила к заключению об измене новых партийных вождей тем идеалам революции, которые ее увлекали. Против своей совести пойти она не хотела и активно включилась в оппозиционную борьбу.

В 1927 году Т.И. была исключена из партии и отправлена в ссылку в Астрахань. В 1929 году она была вновь арестована, судима и выслана на три года в Казахстан.

По архивному делу прокуратурой Астраханской области установлено, что «...Мягкова Т.И., а также Минц С.О., Чернина М.Д., Смирнова С.Ф. и Шапиро В.М. обвинялись в установлении связи с ссыльными и местными оппозиционерами. Мягкова принимала самое активное участие в оппозиционной работе. Из местных и ссыльных оппозиционеров организовала оппозиционную группу, знакомила членов группы с задачами и методами работы таких групп, с оппозиционной литературой... Размножала и распространяла оппозиционные документы среди членов ВКП (б) и ВЛКСМ. Ставила вопрос о создании фонда помощи оппозиционерам. Совместно с Минцем выпустила листовку...»

В Челкаре (Казахстан) она поселилась вместе с двумя другими ссыльными М.Г. Варшавской и С.Ф. Смирновой. Они снимали общую комнату, именуя себя, по воспоминаниям Варшавской, «первой женской коммуной большевиков-ленинцев». Впоследствии все трое оказались на Колыме.

Мне трудно судить, как эволюционировали взгляды оппозиционеров в то время. Знаю, что во время приездов Полоза к жене в Астрахань и в Челкар он убеждал ее отказаться от оппозиционной деятельности (из его доводов мне известен только тот, что их малолетняя дочь осталась без матери). Во всяком случае в 1931 г. Т.И. отказалась от свою оппозиционных взглядов и подписала «отречение» вместе с Иваном Никитичем Смирновым.

После этого она была освобождена и переехала к мужу, который в это время был переведен на работу в Москву. В Москве Т.И. работала экономистом в Главном управлении автотракторной промышленности, не занимаясь больше фракционной деятельностью, что не мешало ей живо интересоваться общественной жизнью. 14 января 1933 г. Т.И. была вновь арестована и направлена в заключение на 3 года в Верхнеуральский политизолятор.

Если предыдущие аресты Т.И. могла как-то понять и написать не без иронии «...а мне положено быть в какой-нибудь дыре. Таков объективный ход истории», то этот новый арест был для нее совершенно необъясним. Судя по ее письмам, она не понимала в то время, куда поворачивают события, и пыталась доказать, что не двурушничала, а действительно отказалась от политической деятельности. Тем не менее, Т.И. не теряет присутствия духа и с удивительным упорством использует все выпадающие на ее долю возможности для углубления своего образования и применения своей квалификации.

¹ Боротьбисты – одно из направлений эсеров в годы гражданской войны на Украине.

² КП(б)У – Коммунистическая партия большевиков Украины. Ленин придавал большое значение акции перехода боротьбистов в ряды большевиков, т.к. первые пользовались большим авторитетом в крестьянской среде Украины.

Еще будучи в ссылке в Казахстане, она усиленно собирает материал по развитию экономики Казахстана, интересуется историей и культурой края, казавшимися ей богатыми и интересными. Она берет уроки казахского языка у местного жителя в обмен на уроки русской литературы. Попав в политизолятор, где в те годы условия были еще вполне приличными, Т.И. штудирует высшую математику и механику, совершенствует свои знания французского языка, старается овладеть немецким и английским языками, изучает «Капитал» и другую экономическую литературу. Она выходит из верхнеуральского заключения с изрядно увеличившимся запасом знаний.

Сейчас, перечитывая письма Т.И., можно только удивлять ее неиссякаемому оптимизму и жизнелюбию. Видишь, как планомерно и последовательно бьет ее жизнь, постепенно убивая одну надежду за другой. Но она умеет справляться с ударами (кажущимися ей бессмысленными) и вновь и вновь находит интерес в жизни.

Конечно, огромную роль в этом сыграла поддержка и душевная теплота со стороны родных, в первую очередь ее мужа и матери. С ними переписка идет постоянно. В продолжение всех отпущенных ей лет Т.И. живет интересами семьи: мужа, пока он на свободе, и тем более после его ареста; сестры, принявшей на себя все бремя материальных забот о семье (на ее руках оказались сын, мать, племянница, на ней лежала помощь сестре в заключении, а потом и помощь ее мужу). Много тепла Т.И. отдает детям и особенно дочери, оставшейся с тетей и бабушкой. Письма, приходящие из политизолятора, полны оптимизма, она постоянно напоминает, что время испытаний минует, пишет о том счастливом времени, когда семья вновь соберется вместе. Михаил Николаевич и сюда приезжает на свидание с женой. И какую же несказанную радость приносит это свидание Т.И., какой заряд сил это прядает ее существованию.

В заключении Т.И. живет не только интересами семьи, но и активно интересуется жизнью страны. Она постоянно пишет о видах на урожай, восторженно отзывается на челюскинскую эпопею, гордится успехами родины, видимо, в те годы лицемерие верхов было еще не столь очевидным, и оторванная от живой действительности Т.И. воспринимала только один аспект жизни страны. Она собирается, отбыв срок, выйти на свободу «с огромным запасом энергии и немножко большим, чем раньше, запасом знаний», пытается рассматривать этот «симпатичный» отрезок времени как отпущенный ей на «переподготовку».

О трудностях и сложностях изоляторской жизни Т.И. не пишет никогда, хотя иногда по-видимому силы ее иссякают. Особенно тяжелый нервный срыв начинается у нее ж конце 1933 – начале 1934 года. Она перестает спать, постепенно прекращает занятия, даже есть перестает. Этот период совпадает с арестом мужа (12 января 1934 г.). Письма матери об этом Татьяна Ивановна не получила, прекращения писем от мужа не могла понять, и только к концу января она (по-видимому, из иносказательных сообщений) поняла наконец истинное положение дел. И вновь возвращается к ней выдержка.

Теперь все ее душевные силы направлены на ободрение и поддержание духа родных. Все преодолимо и все будет хорошо – в этом она убеждает и себя и своих близких. И вновь жизнь в изоляторе делится между занятиями и письмами родным.

В июле 1934 г. Т.И. узнает о приговоре мужа – 10 лет ИТЛ (за национализм, шпионаж, террор и т.д. и т.п.). Немедленно она подает заявление о переводе ее в лагерь на соединение с мужем. Одновременно такое же заявление подает и он. Мои родители и я – люди разных поколений. Когда я читаю об этих надеждах, то искренне удивляюсь, как можно было быть такими наивными. Им, по-видимому, и в голову не приходило, что одна из целей репрессий – сломить волю, уничтожить самостоятельность личности. Естественно – оба получили отказ.

Но Т.И. приучена к ударам и не выбивается из колеи. Опять занятия, ожидание писем от мужа и из дома. Другие надежды она себе запретила. И все-таки... Она надеется после освобождения хоть на несколько дней попасть в Москву, повидаться с родными... Вместо этого ей пришлось отправиться этапом в Алма-Ату и оттуда на жительство в Уральск.

В это время я училась уже в 5-ом классе. В письмах было договорено, что как только

Т.Н. обоснуется на новом месте, я перееду на жительство к ней. Поэтому она мобилизует всю свою настойчивость для поисков работы и комнаты, где могла бы жить с дочкой. Но неожиданно бабушка решает ехать к ней немедленно и в марте 1936 г. на две недели приезжает в Уральск. Эти две недели, проведенные мамой и бабушкой вместе в Уральске, были последним подарком в судьбе Т.И. Через неделю после возвращения бабушки пришла телеграмма о новом переводе Т.И. в Алма-Ату.

Не понимая еще, что надвигается смерч, Т.И. и в Алма-Ате начинает поиски работы и жилья для себя с дочкой, строит планы совместной жизни. Но в Алма-Ате с жильем оказывается еще труднее и, несмотря на свой непобедимый оптимизм, комнату найти она так и не успела. Ее временно приютил знакомый археолог, когда-то учившийся вместе с ней в Свердловке в Москве. Теперь их нелегкие пути пересеклись, и они посильно помогали друг другу. Человек этот ездил по Казахстану, очень увлекался своей работой, много и интересно о ней рассказывал. Жил он в маленькой хибарке, летом работал в экспедициях, что и дало возможность Т.И. решить вопрос о приезде дочки. Т.И. считала, что ей совершенно необходимо хотя бы на несколько недель повидаться с дочкой. Будущее показало, насколько она была права...

В письме от 31 мая 1936 г. она сообщает, что понемногу входит во вкус свободной жизни. А в это время – 28 мая 1936 г. – в НКВД уже было подписано постановление о ее новом аресте.

Мне уже взяли билет и дали в Алма-Ату телеграмму о моем выезде... Ответа не последовало... Накануне выезда пришел оплаченный ответ на повторную телеграмму: «адресат не проживает». Мой билет был сдан...

Мне не было суждено повидаться, а по существу и познакомиться со своей матерью...

Следующие мои воспоминания относятся к концу лета 1936 г. Сквозь сон слышу, как бабушка с тетей ищут на большой карте СССР, висящей над моей кроватью, бухту Ногаево, откуда пришла, наконец, телеграмма. Мама вновь возникла из небытия. Позднее мы узнали, что 14 июня 1936 г. ее вновь арестовали, сообщили о приговоре (5 лет ИТЛ) и отправили на Колыму.

В то время порядки на Колыме были еще очень вольготные. Отношение к политзаключенным было вполне либеральным. По-видимому, еще не было установок на их уничтожение. Т.И. постепенно оправляется от пережитого удара и очередного крушения надежд, привыкает к новым обстоятельствам, начиная видеть в них и какие-то радостные стороны. Она ведь Танька-встанька. Вновь она пишет заявление о соединении с мужем на любых условиях. В это же время она начинает работать по специальности. «Оказывается, для этого нужно было приехать на Колыму» – иронизирует она. Присматриваясь к окружающему, Т.Н. видит, что Колыма тоже интересный край, и собирается посильно участвовать в его освоении. Пророчески звучат ее слова: «Наберусь опять выдержки. На сколько лет? Уж, чтобы больше не ошибаться, прямо до конца жизни»... И опять она начинает жить, и опять «жив курилка». От этой «скверной привычки» она никак не может отделаться.

Этому не мешает даже постепенное понимание причин происходящих в стране событий. Мне рассказывали, что у Т.И. были весьма откровенные разговоры с одним из тогдашних руководителей Магаданского лагеря³, которому она пыталась объяснить: «нас, вероятно, уничтожат, но уничтожат и вас, поскольку вы понимаете, что оппозиционеры никаких террористических актов не готовили».

Т.И. оказалась права. Все руководство колымских лагерей того периода было впоследствии расстреляно.

Летом 1937 года от нее пришла телеграмма с указанием нового адреса. Татьяну Ивановну перевели во вновь создаваемый лагерь в поселке Ягодное. Из Ягодного последнее письмо было в сентябре 1937 года. Затем была телеграмма с предупреждением о возможности длительного отсутствия писем. Эта телеграмма была последней весточкой от

³ Начальник СПО Масевич.

нее. Впоследствии официально нам сообщили о том, что Мягкова вновь осуждена на 10 лет без права переписки.

Террор, нараставший в стране, до отдаленных лагерей докатился с задержкой. Как теперь нам известно, 3/ХІ-1937 г. Т.И. была вновь осуждена Особым Совещанием по Магаданской области и приговорена к высшей мере наказания.

Приговор был приведен в исполнение 17/ХІ 1937 года... В это же время совсем в другом конце страны, на севере, в Соловках, Особое Совещание по Ленинградской области вновь рассматривало дело Полоза. Вновь были повторены прежние обвинения, и Михаил Николаевич также был приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 3/ХІ 1937 г.

Так и не сумев соединиться, так и не получив возможности использовать свои силы и способности на благо Отечества, два человека расстались с жизнью почти одновременно...

Меня воспитывала бабушка. Она сумела воспитать во мне любовь и уважение к родителям и в то же время полное уважение к существующему строю, который она по-прежнему идеализировала. Она считала, что врагов у Советской власти так много, что властям трудно разобраться, кто виновен, а кто нет. Видимо, бабушка боялась, что у меня возникнет внутренняя озлобленность, и старалась предохранить меня от этого.

Я училась в школе, занималась пионерскими и комсомольскими делами, и успела до войны окончить девять классов. Десятый класс я закончила в вечерней школе, одновременно посещая курсы Красного Креста. Весной 1942 года я была зачислена на Военно-санитарный поезд № 194, где и проработала до конца войны. В основном мы забирали раненых из медсанбатов и эвакуировали их в глубокий тыл. Летом 1945 года я демобилизовалась, вернулась в Москву и осенью начала учиться в Высшем техническом училище им. Баумана.

От ровесников я отстала на 3 года, программы за десятый класс фактически не знала, но в те годы все это меня мало смущало. Постепенно я втянулась в студенческую жизнь и к четвертому курсу уже чувствовала себя уверенно. До окончания института оставалось полтора года.

В конце апреля 1949 года ночью в дверь сильно постучали. «Проверка паспортов». Оказалось – пришли за мной. Никто из нас ничего не понимал. Оперативники торопились, и меня сразу увезли. Обыск делали уже без меня.

К моей великой горечи забрали все письма и дневники времен войны, а также мамины письма ко мне (Бабушка все время заставляла меня собирать и подшивать по годам мамины письма). Письма к бабушке не взяли и впоследствии они помогли мне познакомиться с жизнью мамы, с ее удивительной жизнестойкостью и жизнелюбием. Правда, видимо по ошибке, за один год письма ко мне остались, а письма к бабушке забрали.

Меня привезли на Лубянку и я окунулась в обстановку режимной политической тюрьмы, так хорошо воспроизведенной Солженицыным в «Круге первом».

Я верила, как почти все туда попадавшие, что разберутся и отпустят. Поскольку мне ничего не инкриминировали кроме того, что я дочь своих родителей, даже опытные заключенные в камере допускали, что меня освободят. Я уже ходил по камере и запоминала адреса, чтоб потом рассказать родным своих сокамерниц о судьбе их арестованных родственников.

После майских праздников ночью меня перевели в Бутырскую тюрьму. Везли в закрытой машине с маленькими изолированными отделениями. Война кончилась недавно и когда заталкивали скрюченной в такое отделение, то невольно возникали воспоминания о немецких душегубках, еще так недавно уничтожавших людей.

В Бутырках после обязательных в этих тюрьмах санобработки, обыска, отпечатков пальцев и т.д. меня посадили в камеру уже значительно большую, чем на Лубянке. Там было человек 30. Все спали на матрасах, постеленных вдоль нар с обеих сторон камеры.

Утром после подъема жильцы камеры стали расспрашивать откуда я и за что. Сначала не поверили, что за родителей. Но тут поднялась девушка с длинной косой, как оказалось студентка МГУ, провезенная с лубянки в ту же ночь. У нее был тот же «диагноз».

Впоследствии мы выяснили, что в ночь на 23/IV сначала ездили за ней, но не застали ее дома, т.к. на следующий день у нее была защита диплома и она ночевала у подруги (именно поэтому оперативники припоздали с моим арестом).

За Инной пришли прямо на защиту и после ее окончания, не дав даже выслушать отзывы, ее увезли на Лубянку.

Встреча с Инной была для меня большой удачей. Инна внутренне была крепче меня и в дальнейшем психологически очень меня поддерживала.

В последующие дни в камеру стали приводить последовательно ряд студенток, арестованных по тем же причинам.

Самая маленькая и изящная из нас была Мая Петерсон, дальнейшая судьба которой стала наиболее тяжелой.

В камере было много «повторниц», т.е. женщин, арестованных в 1937 году и отсидевших за мужей 8-10 лет. Теперь их вновь арестовывали и отправляли в ссылку в очень далекие края. Были девушки из дома моделей, попавшие за знакомство с иностранцами. Были и другие.

С Инной мы в дальнейшем двигались по камерам, а потом и по этапу 9до Куйбышева) вместе. Мы рассудили, что наши «дела» лежали друг за другом.

Обе получили 5 лет ссылки в Казахстан, но к сожалению в разные области. Дружба с ней возобновилась после нашего возвращения в Москву и продолжается до сих пор.

О реабилитации группы И. Смирнова и в том числе Мягковой Татьяны Ивановны я узнала из сообщения Комиссии Политбюро ЦК КПСС в «Правде» № 152 от 31/V 1990 г.

Летом 1953 года я вернулась в Москву, через несколько лет закончила заочный строительный институт и постепенно начала догонять ровесников.